

ЕВРИПИД**МЕДЕЯ**

Перевёл с древнегреческого Вланес

КОРМИЛИЦА

Когда б корабль Арго не выпорхнул из пасти
свинцовых Симплегад, в Колхиду направляясь,
когда б не рухнула на доли Пелиона
могучая сосна и вёслами не стала
в ладонях смельчаков, для Пелия поплывших
за золотым руном, то госпожа Медея
не оказалась бы в кольце иолакских башен,
израненной душой кормя любовь к Ясону,
и бедных Пелиад убить отца родного
не подстрекнула бы, не стала бы в Коринфе
жить с мужем и детьми, в изгнании, приятном
для здешних горожан, страну их украшая,
во всём содействуя желанному Ясону,
ведь получается огромное благо,
когда дух женщины не восстаёт на мужа.
А здесь одна вражда. Любимейшее чахнет.
Предав своих детей и госпожу отвергнув,
на ложе царское с наследницей Креонта,
правителя страны, Ясон теперь ложится.
Медея всё кричит, отдавая зла с бесчестьем,
про клятвы, про обет, рукою правой данный,
торжественный обет, и молит всех бессмертных
свидетелями быть Ясоновой отплаты.
Лежит голодная, отдав мученьям тело,
течение часов слезами растворяя,
с тех пор как стала знать о низости супруга.
Не поднимая глаз, не отводя от пола
лицо, похожая на камень, на морскую
волну, всё слушает увещеванья близких,
лишь белоснежную повёртывает шею,
рыдая по себе, и по отцу родному,
по дому своему, по родине и чести,
навек отданной в обмен на подлость мужа.
Теперь страданицу несчастье научило,
что ей не стоило бросать свою отчизну.
Не терпит и детей, глядит на них угрюмо.
От страха я дрожу. О чём так можно думать?
Опасен дух её, и не простит обиды.
Я знаю госпожу, я сильно опасюсь,
что острый меч она вонзит кому-то в печень,
проникнув тайно в дом, где застилают ложе,
что и царя убьёт, и жениха зарежет,
сама же горшему подвергнется несчастью.

Она чудовищна. Не просто с ней сразиться
и победителем покинуть поле битвы.
А вот и мальчики, набегавшись на воле,
подходят, ничего в страданиях материнских
не смысла: детский ум печалиться не любит.

ПЕДАГОГ

- Седая собственность владычицы моей,
зачем ты у ворот стоишь осиротело,
себе же сетуя на горести свои?
Неужто без тебя побыть Медея хочет?
- Корм. Ясоновых детей наставник пожилой,
беда, что господам на долю выпадает,
и слугам преданным отягощает дух.
Достигла я уже такого исступленья,
что захотелось мне земле и небесам
сказать о госпоже, измученной несчастьем.
- Пед. Ещё страдальца не кончила стонать?
Корм. Завиден твой вопрос. Пока нет и полгоря.
Пед. Невежа! Если так прилично госпожу
назвать, про новые не слышавшую беды.
- Корм. Про что, старик? Скажи! Не вздумай не сказать!
Пед. Да вовсе ни про что. Жалею, что и начал.
Корм. Мы оба ведь рабы! Пожалуйста! Коснусь
и бороды твоей! Клянусь молчать, раз нужно!
- Пед. Сумел подслушать я, как будто невзначай
приблизившись к столам, у славных вод Пирёне,
где в кости каждый день играют старики,
что наших мальчиков желает из Коринфа
с их матерью изгнать правитель этих мест,
Креонт. Является то правдой или ложью,
о том не ведаю. Я был бы рад солгать.
- Корм. Потерпит ли Ясон, чтоб сыновья родные
такое вынесли, хоть он и враг жене?
- Пед. Распасться старому для нового придётся,
семейству этому он больше не родной.
- Корм. Ну всё, конец пришёл! Не вычерпали старой,
а нас теперь зальёт и новою бедой!
- Пед. Да успокойся ты, хозяйке нашей рано
об этом знать ещё. Смотри не разболтай!
- Корм. Вы, дети, слышали, какой у вас родитель?
Будь проклят... нет, не будь... ведь это господин,
однако с близкими он дурно поступает!
- Пед. Не как любой из нас? Не знаешь разве ты,
что всякий лишь себя всего сильнее любит
(одни заслуженно, другие ради благ),
что слаще всех детей постельные утехи?
- Корм. Ну, милые, домой! Всё будет хорошо.
Ты по возможности держи мальцов подальше
от хмурой матери, не приближайтесь к ней.

Я видела сама: глядит на них по-бычьи,
о чём-то думая. Конечно, гнев такой
не успокоится, не поразив кого-то,
пусть лучше уж врагов, а не родных людей!

МЕДЕЯ (*внутри дома*)

Боже мой!

Как несчастна я, как я страдаю!

Горе, горе мне! Как же погибнуть?

Корм.

Так вот, детки. У матери вашей
наливается бешенством сердце.

Поскорее к себе убегайте,
на глаза вы ей не попадайтесь,
не входите к ней, остерегайтесь
права дикого, страшного свойства
своевольного сердца.

Ну, бегите домой поскорее!

Поднимается и набухает

туча скорби, и скоро зажжётся
большим гневом. На что же решиться
непокойной душе, распалённой,
совершенно истерзанной горем?

Мед.

Ай-ай!

Как я мучаюсь, как это стоит
громких стонов! Проклятые дети
ненавидимой матери, сгиньте
вместе с вашим отцом и всем домом!

Корм.

Горе горькое! Ах ты бедняжка!

Разве дети в проступках отцовых
виноваты? Зачем ты клянёшь их?

Дети, как я за вас опасаюсь!

У господ беспощадны желанья:

мало слушаясь, требуя много,
вспышки гнева гасить им непросто.

К равноправию лучше привыкнуть
и, не зная ни блеска, ни славы,
тихо, мирно дожить до кончины.

И названьем воздержность победна,
и на деле всего остального

превосходней для нас, а чрезмерность
не идёт человеку на пользу,

обостряя беду, если в гневе

бог семью принимается рушить.

ХОР

Я услышала голос, я услышала крик

несчастной колхидянки. Она ещё

не утишилась? Ответь мне, старуха!

Рыданье внутри двухдверного дома

я услышала, и не радуюсь, женщина,

несчастьям семьи,
с которою связана дружбой.

- Корм. Той семьи больше нет: развалилась.
Мужем царское ложе владеет,
а жена убивается в спальне.
Госпожу не сумел хоть немного
ни один из друзей успокоить.
- Мед. Ай-ай!
Пусть мне голову светоч небесный
пропалит! Что мне толку от жизни?
Горе! Горе! Развязана смертью,
ненавистную жизнь я покину!
- Хор Слышишь, Зевс, и Земля, и божественный свет,
как тоскливо рыдает и криком кричит
молодая жена?
Зачем так стремиться страстно,
безумная, к ложу смерти?
Зачем торопить кончину?
Об этом не молят!
Если муж твой
мечтает о новом ложе,
не надо так белениться.
Защита придёт от Зевса.
Не слишком
убивайся, горя по мужу!
- Мед. О, Фемида, великая силой!
Госпожа Артемида, как больно!
Ведь ужасными клятвами связан
мерзкий муж мой! Увидеть бы только
крах его, и невесты, и дома,
эту дерзкую ссору начавших!
Мой отец, город мой, как мне стыдно
за побег мой, за мёртвого брата!
- Корм. Слышно вам, что́ твердит, призывая
берегущую клятвы Фемиду
и обетов блюстителя, Зевса?
Невозможно, чтоб чем-нибудь малым
госпожа свою желчь укротила.
- Хор Отчего же не хочет взглянуть нам в глаза
и, внимая звучанию сказанных слов,
наши мысли понять?
Как гнев ей смирить угрюмый
и негодование сердца?
Моя забота, конечно,

друзей не оставит.
 Но ступай же,
 её приведи из дома,
 скажи, что и мы друзья ей,
 спеши, чтоб не навредила
 домашним,
 ведь она помрачилась от скорби!

Корм. Всё исполню. Боюсь, что непросто
 убедить госпожу,
 но для вас, так и быть, постараюсь,
 хоть и львицей, недавно родившей,
 мечет взоры на слуг, если кто-то
 подойдёт и о чём-нибудь спросит.
 наших предков за ум порицая
 недалёкий, ты не ошибёшься.
 Для пиров они гимны сложили,
 и для праздников, и для обедов,
 благозвучные радости жизни,
 но никто от печали проклятой
 не нашёл ни мелодий, ни песен
 многострунных, вот страшные смерти,
 злые судьбы дома и сметают.
 Людям музыкой нужно лечиться,
 на пирах же, богатых и пышных,
 для чего понапрасну горланить?
 Пир своим угощеньем приятен
 и людей сам собой услаждает.

Хор Слышен мне
 надрывный, многостонный плач,
 протяжный вопль, безумный крик
 о подлости, о коварстве супруга.
 Она, безвинная, взывает
 к Фемиде Зевсовой, стерегущей обеты,
 ночью приведшей её
 в Элладу, сквозь понтийский ключ
 горький, непроходимый.

Мед. Коринфянки, я к вам из дома вышла, чтобы
 упрёков избежать. Я знаю, толпы смертных
 весьма возносятся, как на глазах людских,
 так и в своих домах, и толпы мягким шагом
 идут к бесславию и лени душевной.
 Нет справедливости во взгляде смертных глаз.
 Не видя ни нутра, ни сути человека,
 они корят его. А чем он провинился?
 Чужак, покорен будь законам горожан,
 но я не похвалю и местного спесивца,
 своим невежеством он городу противен.

А мне такой вот непредвиденный удар
 всё сердце раздробил. Я кончена, и радость
 ушла из жизни вся. Зову я смерть, подруги.
 Тот, в ком я видела так ясно всю себя,
 любимый мой супруг, мерзавцем оказался.
 Из созданных существ, в ком есть душа и разум,
 нам с вами, женщины, всего труднее жить.
 Сначала надобно купить за груды денег
 себе сожителя, поставить господина
 над телом собственным, а это зло так зло!
 Потом играть в игру: плохой ли попадётся,
 хороший ли супруг, ведь женщинам разводы
 несут бесславие, и как отвергнешь брак?
 Порядки новые и нравы принимая,
 нам нужно угадать, нас дома-то не учат,
 как искущённое супругом управлять.
 И если трудимся усердно мы, и мужу
 приятно с нами жить, и брак ему не в тягость,
 то наш завиден век. А если нет, то смерть.
 Мужчина, угнетён разросшимся семейством,
 подальше от него досаду сердца глушит,
 он к другу своему, он к сверстнику идёт,
 а нам приходится смотреть в свою лишь душу.
 Нам говорят, что, мол, живём мы безопасно,
 что дома мы сидим, а их копьём разят.
 Какие олухи! Я со щитом три раза
 стоять бы предпочла, чем раз родить ребёнка!
 Но твой рассказ и мой нам сравнивать нельзя.
 Есть город у тебя, и дом отцовский полон
 сообществом друзей и преизбытком жизни,
 а я, бездомная, глумления терплю,
 одна, похищена из варварских пределов,
 меня ни мать, ни брат, ни родственник не может
 к спокойной гавани от бури повести.
 Я попрошу тебя лишь об одной услуге:
 когда отыщется возможность или средство
 и мужу отомстить за подлости его,
 и дочь женившему, и выскочившей замуж,
 молчи! Ведь женщина во всём полна боязни,
 теряется в бою, не может видеть сталь,
 но если в браке с ней поступят не по правде,
 то ни в одной душе нет большей жажды крови.
 Я это сделаю. Ты мужу отомстишь,
 Медея. Не дивлюсь, что ты в такой печали.
 Но вот идёт Креонт, правитель государства,
 решения новые тебе он возвестит.

Хор

КРЕОНТ

Угрюмой, злящейся на мужа своего
 Медее этот край приказано покинуть,

- уйти в изгнание, забрав двоих детей,
и чтоб не мешкать здесь! Я исполнитель слова
произнесённого, и не вернусь домой,
не выдворив тебя за грань моих владений!
- Мед. Ах, я страдальца! Теперь уж мне конец!
Враги сюда идут под всеми парусами,
нет очевидного спасенья от беды.
Терпя такое зло, спрошу тебя, однако:
зачем в изгнание ты шлешь меня, Креонт?
- Кр. Затем что я боюсь, скажу не лицемеря,
что дочери моей ты страшно навредишь.
Есть множество причин для этих опасений,
ты мудрой рождена и сведущей во зле,
притом печалишься, ложаешься в постель без мужа,
и, слышу я, грозишь, так сообщили мне,
и тестю жениха, и жениху с невестой
наделать пакостей. Но я оборонюсь!
Мне лучше, женщина, тебе быть ненавистным,
чем слабость проявить, а после здесь рыдать.
- Мед. Увы! Увы!
Креонт, не в первый раз такое происходит,
моя известность мне приносит много скорби.
Не следует тому, в ком разум сохранился,
чрезмерное давать образование детям,
ведь, кроме праздности, они у прочих граждан
враждебную к себе воспитывают зависть.
Ты, мудрость новую невежам предлагая,
негодным прослывёшь, немудрым от рожденья,
а если превзойдёшь прославленных учёных,
то станешь городу мучительной обузой.
С подобной участью сама ведь я знакома:
поскольку я умна, одним кажусь я скверной,
другим уклончивой, а третьим прямодушной,
четвёртым чёрствою, хотя мудра не очень.
Боишься ты. Чего? Что будешь мной расстроен?
Я неспособна ведь – Креонт, не беспокойся –
атаковать людей, сидящих на престоле.
Ты чем задел меня? Ты дочку замуж выдал,
как дух твой повелел. Я мужа ненавижу,
а ты, мне кажется, решил благоразумно,
и к счастью твоему я зависть не питаю.
Женитесь, счастья вам! А мне лишь разрешите
остаться тут, в стране. Хотя оскорблена я,
но буду тихо жить и уступлю сильнейшим.
- Кр. Мягки слова твои, однако страх таится
под сердцем у меня, что ты замыслишь злое,
и меньше я тебе, чем даже раньше, верю.
Горячий женский ум, да и мужской, конечно,
удобней просчитать, чем неприметно мудрый.
Давай же, уходи! Довольно препирательств!

Всё твёрдо решено: ты хитростью не сможешь
 остаться тут, при нас, вражду ко мне питаю!
 Мед. Я у колен твоих! Молю невестой вашей!
 Кр. Напрасно слов не трать, не убедят они.
 Мед. Меня прогонишь ты и просьбы не уважишь?
 Кр. Я не люблю тебя сильнее, чем свой дом.
 Мед. О родина моя, как в памяти встаёшь ты!
 Кр. Вслед за детьми она всего милее нам.
 Мед. Да-да! Эротов рой – большое горе смертным!
 Кр. Тут обстоятельства свою играют роль.
 Мед. О Зевс, не дай уйти виновнику несчастья!
 Кр. Безумная, ступай, избавь меня от мук!
 Мед. Сама я мучаюсь, твоих мне мук не нужно.
 Кр. Сейчас рабам велю взашей тебя прогнать!
 Мед. Пожалуйста, Креонт, не надо, умоляю!
 Кр. Ты, женщина, смотрю, мне будешь докучать!
 Мед. Уйду я. Не о том сейчас тебя молю я.
 Кр. Чего же пристаёшь, сжимая руку мне?
 Мед. Один лишь этот день позволь мне тут остаться,
 чтоб я смогла моё изгнание обдумать,
 оставить мальчикам на жизнь, ведь их отец
 судьбою сыновей никак не озабочен.
 Ты жалость прояви – ты ведь и сам отец,
 тебе благоволить естественно к потомству.
 Переживаю я не о своём изгнании,
 по мальчикам скорблю, им тоже горе вышло.
 Кр. Нет, я не наделён решимостью тирана,
 моя покладистость мне много раз вредила.
 Я вижу, женщина, что делаю ошибку,
 но будь по-твоему. Запомни: если встретит,
 поднявшись над землёй, летучий факел бога
 тебя и сыновей в пределах государства,
 ты будешь казнена. Нелживо это слово.
 Раз нужно, задержись. Я думаю, что за день
 того, что я боюсь, ты сделать не успеешь.
 Хор Горемычная,
 как ты страждешь от этих несчастий,
 где спасение? Дом дружелюбный
 или землю, где можно укрыться,
 ты отыщешь ли?
 В безысходную бездну страданий
 бог тебя ниспровергнул, Медея!
 Мед. Везде всё рушится. Кто будет с этим спорить?
 Но не всему конец, не надо торопиться.
 Есть испытания ещё для новобрачных,
 немалые труды для родственничков этих.
 Да разве стала бы пред ним я пресмыкаться
 без выгоды своей, без повода для козней?
 Не умоляла бы, не пачкала бы руки!
 Однако он достиг такого скудоумья,

что, замыслы мои разоблачить умея,
 не выгнал прочь меня, но целый день мне отдал,
 когда врагов моих в три трупы превращу я,
 отца, и дочь его, и моего супруга!
 Есть многие пути для их уничтоженья,
 не знаю я, какой мне предпочесть, подруги,
 спалить ли пламенем их брачные покои,
 вонзить ли острый меч подонкам прямо в печень,
 проникнув тихо в дом, где застилают ложе?
 Но беспокоюсь я: коль поймана я буду,
 прокрадываясь в дом с намереньем недобрым,
 то гибелью своей врагам дам повод к смеху.
 Нет, лучше путь прямой, где нам сама природа
 блистать позволила – перетравить их ядом.
 Пусть будет так!
 Допустим, все мертвы. Какой нас примет город?
 Какой приверженец нам кров и дом надёжный
 захочет предложить и сохранит нам тело?
 Нет рядом никого. Я подожду немного,
 и если явится защитная твердыня,
 убийство совершу коварно и без шума,
 но если не найду решения иного,
 зарежу их, дойду до выси дерзновенья!
 Никто из них – клянусь владычицею, чтимой
 превыше всех других, помощницей моею,
 Гекатой мудрою, живущей в сердце дома –
 не будет ликовать, моё изранив сердце!
 Я сделаю их брак и гибельным, и горьким,
 будь горьким их родство, как и моё изгнанье!
 Ну что ж, не поскупись природными дарами,
 подумай обо всём, искусной будь, Медея!
 Вперёд, на страшный бой! На испытанье духа!
 Ты слышишь боль свою? Но нет, под град насмешек
 тебя не выставит сизифов брак Ясона,
 дочь знатного отца и Гелиоса внучку!
 Ты понимаешь всё... Вдобавок по природе
 мы, женщины, к добру нисколько не пригодны,
 мы злом пропитаны, и лишь на зло способны.

Хор

Священные реки обратно заструились,
 повернулся вспять весь порядок вещей.
 Мысли людей стали вероломными,
 вера в богов умирает.
 Но молва людская поднимет мою жизнь к вечной славе,
 ныне честь приходит к женщинам земли,
 женщин уже не коснётся прежнее злословье.

Музы стародавних поэтов перестанут
 вечно петь о нашей коварной душе.
 Феб, повелитель мелодий, не вложил

звуки божественной лиры
в разум наш, а то я бы спела и о мужчинах песню.
Много за тысячелетья скоплено
всяких рассказов про нас, но и про них немало.

Свой отчий дом бросила ты, и сердце
страстью сожгла, и раздвинула в море двойные скалы,
а ныне в чужом краю
живёшь, и в постели брачной
ночуешь одна, без мужа,
несчастливая, дожидаясь
позора изгнания.

Утратили клятвы свой дух, и скрылся
стыд из Эллады великой, в эфир улетев небесный.
В чертоги отца тебе,
как в пристань, от бед не скрыться,
бедняжка. Другой царевне,
тебя превзошедшей в браке,
твой дом подчинился.

ЯСОН

Не только в эти дни, но часто наблюдал я,
что неумный гнев – неприбыльный порок.
И эту землю ты, и дом бы сохранила,
легко перенеся решения властей,
а будешь изгнана из-за речей напрасных.
Мне, впрочем, всё равно. Не прекращай везде
долдонить, что Ясон – подлейший из мерзавцев.
Такое про царей посмела ты сказать,
что выгодой считай грядущее изгнание.
Я рук не покладал, разгневанных господ
пытаюсь усмирить, чтоб ты смогла остаться,
но не хотела ты забыть про блажь свою,
царей порочила – за то тебя и гонят.
И тут я не забыл своих людей родных,
явился, женщина, помочь тебе пытаюсь,
чтоб ты не шла с детьми без всяких средств на жизнь,
нуждаясь в чём-либо. Изгнание привлекает
немало горестей. Ты ненавидь меня,
но неспособен я желать тебе дурного.
Наипоганейший! Вот всё, что мой язык
произнесёт о том, кто полон малодушья.
Пришёл ты к нам, пришёл, хоть ненавистным стал
богам, и мне самой, и всем живущим людям?
Нет, тут не мужество и не геройский жест,
напакостив родным, заглядывать в глаза им,
но наихудшая из немочей людских –
бесстыдство. Хорошо, что ты теперь явился.
Я душу облегчю, наговорив тебе

Мед.

позорящих вещей, а ты страдай и слушай!
 С начала самого начну я свой рассказ,
 как я спасла тебя, и это знают греки,
 с тобою плывшие на корабле Аргó,
 когда был послан ты волов, огнём дышавших,
 запрячь, чтоб смертный луг пахать и засеять.
 Дракона, свившего недремлющие кольца
 пред золотым руном, лишила жизни я
 и этим над тобой зажгла огонь спасенья.
 Предать осмелившись отца и дом родной,
 я в Пелиев Иолк приехала с тобою,
 влекома рвением сильнее, чем умом.
 Я Пелию дала ужаснейшую гибель –
 от рук его детей, весь дом его разбит.
 Всё это получив, негоднейший из смертных,
 меня покинул ты, устроил новый брак.
 Но дети есть у нас! Вот был бы ты бездетным,
 тогда б я поняла желанье новых уз.
 Все клятвы – звук пустой. Одно лишь непостижно:
 ты думаешь, вверху сменился сонм богов,
 что новые теперь даны законы людям,
 ты понимаешь ведь, что клятву не сдержал?
 Ах, правая рука, сжимаемая часто,
 колени милые, как сильно вас хватал
 беспутный негодяй! Мы всех надежд лишились!
 Давай по-дружески с тобой поговорю.
 (Чего хорошего ты сделаешь? Да ладно!
 При свете слов моих чернее станет грязь.)
 Куда податься мне? К отцу, в мой край родимый?
 Ведь я их предала, с тобой приплыв сюда.
 В дом бедных Пелиад? Они с таким радушьем
 пригреют, спору нет, убийцу их отца!
 Вот так. И дома я у близких вызываю
 вражду, и тех, кому не стоило вредить,
 врагами сделала, служа тебе послушно.
 Гречанки многие считают, что взамен
 ты счастье мне принёс. Какой супруг чудесный
 и что за верный друг достался бедной мне,
 когда меня теперь из царства выдворяют,
 одну и без друзей, с малютками-детьми!
 Ах, наш молодожён! Орёл! Родил двух нищих
 и по́ миру пустил заступницу свою!
 О Зевс, ты учишь нас от золота подделку
 по явным признакам надёжно отличать,
 ты выжег бы клеймо на теле негодяя,
 чтоб люди добрые не связывались с ним!
 Ужасен гнев людской, и как его излечишь,
 когда в семье кипят, свирепствуют раздоры!
 Я должен, видимо, не худо говорить,
 пытаюсь, женщина, как наторелый кормчий,

Хор

Яс.

свой парус подобрав, на кромке лишь уйти
 от болтовни твоей гремящей и бурливой.
 Свои заслуги ты высоко вознесла,
 но сберегла меня одна Киприда в море,
 и никакой другой ни бог, ни человек.
 Да, ум твой изощрён, но ложь твоя противна,
 мол, ты спасла мне жизнь, когда пускал Эрот
 в тебя, несчастную, рой стрел неотразимых!
 Я не хочу теперь в подробности входить,
 ты вправду помогла, и сделала немало,
 но выгоды твои от угожденья мне
 крупней твоих потерь. Послушай, что скажу я.
 Во-первых, ты живёшь не с варварской ордой,
 а среди эллинов. Ты знаешь справедливость,
 законом данную, не кланяясь властям.
 Ты мудростью своей известна всей Элладе.
 Переместив свой дом на самый край земли,
 ты не смогла бы стать предметом разговоров.
 Ни золота иметь я в доме не хочу,
 ни гимны сочинять искуснее Орфея,
 в удел не получив прославленной судьбы.
 Я прежде говорил о собственных заботах,
 ведь ты затеяла словесный этот бой.
 Ты сердишься за брак, с царевной заключённый,
 а я вот покажу, что я, во-первых, мудр,
 и, во-вторых, смышлён, к тому же друг вернейший
 тебе и мальчикам. Да помолчи же ты!
 Я из страны сюда приехал иолкийской,
 увешан множеством непоправимых бед,
 чего же более удачного найти мне,
 чем брак с царевною, коль стал я беглецом?
 Не надо злобствовать. Наш брак не презирал я,
 невесту новую со страстью не желал
 и в многодетности не рвался состязаться,
 мне жаловаться грех, детей хватает нам.
 Я, главное, хотел, чтоб жили мы прилично,
 не зная бедности, ведь понимаю я,
 что наутёк друзья бегут от неимущих,
 детей хотел взрастить, как требует мой род,
 дать братьев сыновьям, тобой уже рождённым,
 их сделать равными, семью объединить
 и быть счастливыми. Рожать ты разве хочешь?
 А мне полезно предстоящими детьми
 помочь родившимся. Так плохо ли решил я?
 И ты кивнула бы, когда б на этот брак
 не злилась. Все вы так: пока постель надёжна,
 вы мните, женщины, что вам подвластен мир,
 а если, не дай бог, постель начнёт крениться,
 то безупречнейший, наичестнейший муж
 предстанет извергом. Нам нужно по-иному

детей производить, чтоб вымер женский пол,
и человечество тогда вздохнёт свободно!

Хор Ясон, ты речь свою построил хорошо,
но я скажу тебе, пусть против ожидания:
супругу предал ты, и в этом ты неправ.

Мед. От многих смертных я немало отличаюсь.
По мне так негодяй, вещающий умно,
себе же самому наносит вред сильнейший.
Хвалясь, что языком прикроет грязь свою,
он смеет пакостить, но без ума большого.
Таков, дружок, и ты. Но в позу не вставай,
я слово лишь скажу, и будешь на лопатках.
Другой бы, не подлец, меня уговорил
согласье дать на брак, тайком бы не женился.

Яс. А ты бы ринулась поддерживать меня,
про этот брак узнав. Ты и теперь не можешь
остервенелый гнев на сердце усмирить!

Мед. Не в этом суть, а в том, что варварка-супруга
тебя под старость лет не стала б украшать.

Яс. Пойми ты, наконец, не ради женской ласки
вступил я в этот брак с наследницей царя,
но, как уже сказал, тебя спасти желая
и братьев царственных от одного отца
моим дать сыновьям, чтоб род наш укреплялся.

Мед. Не нужно жизни мне богатой и пустой,
не нужно сытости, глодающей мне сердце!

Яс. Хотя бы притворись, что стала ты мудрей,
пускай полезное не кажется прискорбным,
благополучие несчастьем не считай.

Мед. Давай, глумись всюю! Ты получил защиту,
а я в изгнание пойду совсем одна.

Яс. Ты это выбрала, и не вини другого.

Мед. А что я сделала? Женилась, предала?

Яс. Царям бросала ты преступные проклятья.

Мед. Проклятьем буду я и дому твоему!

Яс. Я больше говорить об этом не желаю.
Но если хочешь ты себе и детям взять
в дорогу дальнюю какие-нибудь деньги,
скажи мне. Я готов их щедрой дать рукой,
и знаки отослать, чтоб вас друзья пригрели.
Всё это, женщина, неумно отвергать.
Переставай кипеть, и выгадаешь больше.

Мед. Мне от друзей твоих не надо ничего,
и с помощью своей не лезь ко мне напрасно,
нет пользы никакой в подарках подлеца!

Яс. Бессмертных всё-таки в свидетели зову я,
что жажду я помочь тебе и сыновьям.
Презрела ты добро, ты дружескую помощь
надменно отмела! Ну что ж, тогда страдай!

Мед. А ты катись к жене, объезженной недавно!

От спальни отошёл, и весь уже горишь!
Беги, люби её! И, может, волей бога
от счастья своего заплачешь ты навзрыд!

Хор Эроты, летящие стаей, не дают ни доблести,
ни благославия людям, но если скромно приходит
к нам Киприда, то всех богинь затмевает.
Ты меня, царица, не рань неизбежной,
страстью смазанной стрелой из золотого лука!

Пусть любит меня благомерность, наилучший дар богов,
пусть никогда неуёмных ссор, злоречивых раздоров,
сердце мне смущая немужней постелью,
не наслёт Киприда, но, мирные узы почитая,
прозорливо судит браки женщин.

Родина! Дом! Пусть никогда
беженкой я не стану,
из невзгод нестерпимой жизни
выхода не видя,
маясь хуже всех!
Лучше смерть, лучше смерть ярмом надеть мне,
этот горький день завершив.
Мучительней нет ничего,
чем утратить свой край родимый!

Всё, что мы здесь передаём,
видели мы, не кто-то.
Не поднимет ни друг, ни город
бремя мук страшнейших,
сжалясь над тобой.
Да погибнет бесславно тот, кто может
унижать друзей, отворив
их чистого сердца засов –
мне подобный не станет другом!

ЭГЕЙ

Медя, радуйся! Приветствуя друзей,
никто прекраснее вступления не знает.

Мед. Что ж, радуйся и ты, сын мудрого отца,
Эгей Пандионид! Откуда в наши земли?

Эг. Оракул Феба я покинул вековой.

Мед. А вещий Пуп Земли проводывал зачем ты?

Эг. Узнать, где семя взять, чтоб наплодить детей.

Мед. О небожители! Ты всё ещё бездетен?

Эг. Бездетен. Так велел, должно быть, некий бог.

Мед. Нашёл ли ты жену? Остался ли свободным?

Эг. От ложа брачного я не был отпряжён.

Мед. И что же Феб тебе поведал о потомстве?

Эг. Слова мудрёнее, чем нам дано понять.

Мед. А мне позволено узнать реченье бога?
 Эг. Конечно. Тут как раз смышлённый нужен ум.
 Мед. Что бог тебе прорёк? Скажи, раз можно слушать.
 Эг. «Не распускать ногí висящей бурдюка...»
 Мед. Чего не выполнив? Придя в страну какую?
 Эг. «...не возвратившись вновь к родному очагу.»
 Мед. Зачем же в этот край ты по морю приехал?
 Эг. Питфей тут есть один, земли трезенской царь.
 Мед. Да, славный Пелопид, образчик благочестья.
 Эг. Я поделиться с ним пророчеством хочу.
 Мед. Он мудр и в этом всём большой имеет опыт.
 Эг. Он мой любимейший товарищ боевой.
 Мед. Успешного пути! Да сбудутся желанья!
 Эг. А почему твой взгляд от плача помутнел?
 Мед. Эгей! Супруг мой стал подлейшим человеком!
 Эг. О чём ты говоришь? Что за беда стряслась?
 Мед. Ясон презрел меня, хоть мною не обижен.
 Эг. Чего он натворил? Понятнее скажи!
 Мед. Другая женщина теперь хозяйка дома.
 Эг. Да как же он посмел устроить этот срам?
 Мед. Ты знай: без чести мы, не числят нас друзьями!
 Эг. Другую встретил он? Пресытился тобой?
 Мед. Он по уши влюблён, и от семьи отрёкся.
 Эг. И бог с ним, с дураком, раз он такой подлец!
 Мед. Ещё он полюбил своё родство с царями.
 Эг. А кто отец жены? Заканчивай рассказ!
 Мед. Креонт, царящий здесь, в коринфском государстве.
 Эг. Тогда мне, женщина, ясна твоя печаль.
 Мед. Я уничтожена! Меня к тому же гонят!
 Эг. Чьим повелением? Ещё одна беда!
 Мед. Креонт мне приказал коринфский край покинуть.
 Эг. Ясон согласен с ним? Я это не хвалю!
 Мед. Он против на словах, однако всё претерпит.
 Тебя молю я, друг, твоею бородою,
 к твоим коленам я с мольбою припадаю,
 ты пожалей меня, ты смилуйся над бедной,
 ты молча не смотри на путь мой одинокий,
 открой ты для меня и дом свой, и отчизну!
 Пусть боги утолят в тебе потомства жажду,
 пусть жизнь окончишь ты счастливым человеком!
 Во мне наткнулся ты на клад невероятный,
 бездетность кончу я и семена потомства
 посею для тебя лекарствами своими!
 Эг. По многим поводам тебе пойти навстречу
 хочу я, женщина: и для богов, конечно,
 и для семян детей, обещанных тобою,
 совсем я сбился с ног, не знаю, что и делать.
 Я вот как поступлю. Когда ко мне приедешь,
 то я попробую принять тебя законно,
 однако, женщина, предупреждаю сразу:

- я уводить тебя отсюда не желаю.
Из царства этого сама найди дорогу.
Когда придёшь в мой дом, то будешь под защитой,
я никому тебя из рук своих не выдам,
невинным я хочу в глазах друзей остаться.
- Мед. Изволь. Ещё бы мне какую-нибудь клятву,
и буду я тогда совсем тобой довольна.
- Эг. Ты что, не веришь мне? Какие тут проблемы?
- Мед. Я верю. Но меня дом Пелия с Креонтом
сжить со свету хотят. Поклявшись, ты не сможешь
дать позволение забрать меня из царства.
Сказав одни слова, но не призвав бессмертных,
возможно, как-нибудь с врагами ты сойдёшься,
послов их пригласишь. Я ведь совсем бессильна,
у этих же и власть, и царский дом, и деньги.
- Эг. Предусмотрительность в словах твоих большая.
Ну, раз ты требуешь, не буду отпираться,
себя ведь тоже я смогу обезопасить,
для недругов твоих придумав отговорку,
уважив и тебя. Каких богов призвать мне?
- Мед. Равниною Земли, и Гелиосом, давшим
отца мне, поклянись, и всеми божествами!
- Эг. Что сделать, говори! И что не сделать, тоже!
- Мед. Что ты меня и сам не выгонишь из царства,
и никаким врагам не дашь меня похитить,
покуда будешь жив, по своему желанью.
- Эг. Клянусь я и Землёй, и Гелиосом ясным,
и сонмищем богов: исполню всё, что слышу!
- Мед. Добро. А если ты свою нарушишь клятву?
- Эг. То пусть я пропаду, как всякий нечестивец!
- Мед. Иди же, радуйся! Теперь я всем довольна.
Незамедлительно в твой город я прибуду,
закончив здесь дела и своего добившись.
- Хор Майи сын, в путешествиях спутник,
к двери дома тебя да приблизит,
да исполнишь ты всё, что задумал,
я считаю, что ты
благороден душою, Эгей!
- Мед. О Зевс, и Зевсов Суд, и Гелиоса свет!
Теперь мы победим своих врагов, подруги,
всё будет хорошо, мы вышли на дорогу.
Надеюсь я врагов на совесть покарать.
Стал этот человек в моём тяжчайшем горе
надёжной гаванью для всех моих решений,
к нему и привяжу мой кормовой канат,
придя в столичный град и славный край Паллады!
Сейчас тебе скажу, что я решила сделать,
слова нерадостны, но ты послушай их.
Кого-нибудь из слуг пошлю сказать Ясону,
что мне хотелось бы опять с ним повидаться.

Когда он явится, покорно сообщу,
 что план его теперь мне кажется прекрасным,
 войти в семью царя, предательски нас бросив,
 что он похвально всё продумал и решил.
 Его лишь попрошу детей в стране оставить,
 не для того, чтоб здесь, во вражеских владеньях,
 глумились недруги над малыми детьми,
 но чтобы хитростью царевну изничтожить.
 И вот я их пошлю, в руках дары несущих
 супруге молодой, чтоб их не гнали прочь,
 ажурный пеплос мой и венчик златобитный.
 Едва нарядится, то и сама погибнет,
 и всякий человек, притронувшийся к ней,
 такими зельями дары я пропитаю.
 Ну и достаточно рассказывать об этом.
 Стону я оттого, какое дело мне
 содеять предстоит, ведь я потом зарежу
 любимых мальчиков. Никто им не поможет!
 Итак, Ясонов дом стерев с лица земли,
 страну покину я, сбегу от вида крови
 ребёночков моих, от страшного злодейства.
 Мне хохота врагов, подруги, не стерпеть.
 И пусть. Что в жизни мне? Ни родины любимой,
 ни дома отчего, ни отвращения бедствий.
 Ошиблась горько я, когда свой дом родной
 навек оставила, поверив басням грека,
 но, с божьей помощью, он мне за всё заплатит!
 Детей, рождённых мной, живыми никогда
 ему не увидать, и с новобрачной новых
 детей не нарожать, поскольку гадкой гадко
 погибнуть предстоит от снадобий моих.
 Пускай меня никто не посчитает кроткой,
 безвольной, немощной, но именно напротив –
 безжалостной к врагам и любящей друзей,
 такие смертные живут славнейшей жизнью!
 Поскольку с нами ты всем этим поделилась,
 заботясь о тебе, законы уважая,
 я говорю тебе: приди в себя, опомнись!
 Нет, не бывать тому! Но я тебя прощаю,
 жестоких бед моих, конечно, ты не знала.
 Ты, женщина, убить своих детей посмеешь?
 Я тем больней всего супруга истерзаю.
 Наинесчастнейшей ты женщиною станешь!
 Так, значит, суждено. Довольно разговоров!
 Ступай же поскорей и приведи Ясона,
 моя помощница во всех делах негласных.
 Смотри же, милая, не вздумай проболтаться,
 раз госпожу ты чтишь и женщиной зовёшься!

Хор

Мед.

Хор

Мед.

Хор

Мед.

Хор

Сыны Эрехтея, издревле знатные,

кровь богов блаженных, из неразорённой
 почвы священной вы прославленную
 мудрость впиваете, танцуя в светлейшем эфире.
 Молвят, что девять чистых Муз пиерийских
 в этом краю светло-русую богиню,
 Гармонию, родили вместе.

Из дивно текущих потоков Кéфиса,
 сказано, Киприда воды зачерпнула
 и на землю выдохнула ветерки
 смиренные, нежные. На гóлову благоуханный
 венчик из раскрывшихся роз возлагая,
 сесть возле Мудрости она шлёт Эротов,
 с добродетелью всякой дружных.

Тот город божественных рек
 и дружелюбный край,
 как же смогут они
 убийцу детей приветить
 в собрании прочих граждан?
 Подумай – детей пронзить!
 Подумай – ведь кровь прольёшь ты!
 Склонившись к твоим коленам,
 тебе всей душой кричим:
 деток не трогай!

Откуда решимость возьмёшь
 в сердце, в руке своей,
 чтобы против детей
 такое свершить злодейство?
 И как, обращая взоры
 на гибельный жребий их,
 не станешь рыдать? Не сможешь
 ты кровью детей молящих
 ладони свои смочить
 в приступе гнева!

Яс. Звала ты – я пришёл. Меня ты ненавидишь,
 но я не откажусь увидеться с тобою,
 чего ты, женщина, теперь ещё желаешь?

Мед. Ясон, прошу тебя всё сказанное прежде
 простить и злость мою перенести спокойно,
 ведь много доброго мы сделали друг другу.
 Я тут сама себе недавно говорила
 с укором: «Ну зачем, упрямица, бешусь я
 и злобствую на тех, кто так благоразумен,
 зачем враждебна я к правителям исконным
 и к мужу моему, ведь он помог нам очень,
 царевну в жёны взяв, родить желая братьев
 моим же сыновьям? Не время ль отступиться

от гнева? Что со мной? Не благосклонны ль боги?
 Бездетна разве я, не понимаю разве,
 что мы, изгнанники, в друзьях нужду имеем?»
 Всё взвесив, чувствую, каким я неразумьем
 исполнена была, как попусту сердилась!
 Теперь хвалю тебя. Поступок твой логичен,
 твой брак на пользу нам, а я была безумной.
 Мне следовало бы помочь тебе решиться,
 и поддержать тебя, и постоять у ложа,
 с твоей невестой блаженно породнившись!
 Конечно, мы есть мы. Я не скажу, плохие,
 однако женщины. Не подражай порокам,
 с моим ребячеством не мерся.
 Готова я признать, что зла я вам желала,
 но изменилась я и стала дружелюбней.
 Эй, дети, слышите? Скорей из дома, дети!
 Приветствуйте отца, давайте же все вместе
 с ним побеседуем, давайте позабудем
 враждебность прежнюю! Вы маме подражайте!
 Мы все теперь друзья! Наш гнев пропал бесследно!
 Отца за правую возьмите руку. Боже!
 А я всё думаю о бедствиях сокрытых!
 Вам, дети, долго ли живыми оставаться,
 ручонки милые тянуть ко мне? Ах, горе!
 Готова плакать я, меня трясёт от страха!
 Кончаю, наконец, с отцом я вашим ссору,
 ваш облик трепетный наполнился слезами.

Хор И у меня в глазах уже мерцают слёзы,
 пусть дальше не пройдёт сегодняшнее горе!

Яс. Хвалю я, женщина, тебя и не сержусь,
 ведь полу вашему естественно беситься,
 когда супруг тайком вступает в новый брак.
 Но сердцем к лучшему теперь ты тяготеешь,
 признав победный путь, хотя и позже нас.
 Всё это, женщина, дела души разумной.
 Вас, мальчики мои, отец не позабыл,
 но с помощью небес большое дал вам благо.
 Я думаю, что стать первейшими людьми
 в Коринфе предстоит и вам, и вашим братьям.
 Вам нужно лишь расти, а прочее свершит
 отец, поддержанный благоволящим богом.
 Хочу я видеть вас могучих, молодых,
 здоровьем пышущих, врагов моих низвергших!
 А ты чего глаза слезою бледной жжёшь
 и прочь воротись щекою белоснежной,
 совсем не радуясь рассказу моему?

Мед. Да вовсе ничего. Я за детей волнуюсь.

Яс. Не надо. Я их здесь пристрою хорошо.

Мед. Изволь, в твоих словах не стану сомневаться.
 Тщедушна женщина и плаксою рождена.

- Яс. Зачем по детям ты сверх всякой меры стонешь?
Мед. Ведь я их родила! Когда ты жизнь им прочил,
я думала с тоской: а суждено ли это?
Но я звала тебя поговорить о деле.
Один вопрос решён, ты о другом послушай.
Поскольку господам изгнать меня угодно
(что лучше для меня, теперь я вижу ясно,
ведь так я ни тебя не буду беспокоить,
ни царскую семью, врагом ей представляясь),
то я в изгнание из этих мест отправлюсь,
но, чтоб твоя рука детей твоих кормила,
Креонта попроси, чтоб их не гнал со мною.
- Яс. Не знаю, упрошу ль. Но стоит попытаться.
Мед. Жене тогда вели за них замолвить слово
перед отцом своим и отменить изгнание!
- Яс. Конечно. Думаю, её-то я задобрю.
Мед. Она ведь женщина и только, как другие.
С тобой мне хочется объединить усилия.
Пошлю подарки ей, которых нет прекрасней
на нынешней земле, я это знаю точно –
ажурный пеплос мой и венчик златобитный.
Ей дети отдадут. Но нужно, чтоб скорее
какой-нибудь слуга сюда принёс наряды.
Пусть будет счастлива, однако не однажды,
но десять тысяч раз! Ей лучший муж достался,
теперь же и наряд. Его когда-то дед мой,
великий Гелиос, вручил своим потомкам!
Возьмите, мальчики, вот эти вещи в руки,
невесте царственной, блаженной отнесите,
пусть не побрезгует подарками моими!
- Яс. Зачем ты, глупая, себя же обираешь?
Неужто царский дом нуждается в одеждах
и золоте? Оставь, не нужно приношений,
ведь если ценен я в глазах моей супруги,
то, без сомнения, затмлю собой богатство!
- Мед. Молчи! К дарителям склоняются и боги,
а слиток золотой все речи перевесит.
Мирво́лит ей судьба, её возносит небо,
царицу с юных лет! Чтоб мальчиков не гнали,
я душу ей отдам, не то что драгоценность!
Когда вы, милые, в богатый дом войдёте,
то госпожи моей, отца супруги новой,
ищите милости, просите тут остаться
и дайте ей наряд. Вам нужно непременно
так сделать, чтоб она дары взяла руками.
Идите поскорей и возвратитесь к маме
с известьем радостным, всё в точности исполнив!
- Хор Нет больше надежды, что дети выживут,
нет совсем. Они направляются к смерти.

Примет невеста золотую повязку,
 примет, бедная, погибель.
 Сама сдавит Аидовым нарядом
 волосы светлые.

Прекрасный, нетленный огонь нашепчет ей
 пеплос и венки златотканый примерить.
 К свадьбе в царстве мёртвых начнёт наряжаться.
 В эти ей силки попасться,
 так погибнуть ей, бедной, выпал жребий
 и не спастись уже.

А ты, злополучный супруг, сроднившийся с царями,
 ты не видишь смерти,
 ныне ждущей детей, и жене молодой
 ужасную гибель несёшь.
 Несчастный, как ты судьбой ошибся!

Я плачу твоими слезами, мать детей, бедняжка,
 ты лишишь их жизни
 из-за брачного ложа, которое муж
 покинул в коварстве своём
 и ныне с новой женой сошёлся.

- Пед. О, госпожа моя! Детей в стране оставят,
 царица приняла дары твои охотно,
 и в руки их взяла, и мальчиков признала!
- Мед. А!
- Пед. Ты чем расстроена? Ведь это же удача!
 Зачем ты от меня отвортила щёку
 и вести радостной как будто и не рада?
- Мед. Ах, боже мой!
- Пед. Не согласуется всё это с новостями!
- Мед. Ах, боже, боже мой! Пед. Неужто я не понял
 своё известие и не принёс отрады?
- Мед. Принёс ты что принёс. Ты в этом неповинен.
- Пед. А что потупилась и слёзы проливаешь?
- Мед. Приходится, старик. Такие мы с богами
 дела задумали, такие козни строим.
- Пед. Держись! Тебя домой вернут, конечно, дети!
- Мед. Сначала, бедная, других домой верну я.
- Пед. Не только ты одна родных детей теряешь.
 Кто смертен, пусть легко несчастья переносит.
- Мед. Я так и сделаю. Ну, ладно. Возвращайся
 и мальчикам готовь занятия дневные.
 Ах, дети милые, у вас есть дом и город,
 где будете вы жить без матери несчастной,
 жить вечно будете, разлучены со мною.
 А я в другом краю изгнанницею стану
 и взор не услажу, на ваше счастье глядя,

ни ванны, ни жены, ни свадебного ложа
 не приготовлю вам, не подниму и факел.
 О своеволие, как ты меня терзаешь!
 Напрасно, деточки, я грудью вас кормила,
 напрасно мучилась, и болью разрывалась,
 и в схватках родовых так плакала, кричала!
 Я, бедная, ждала, что вы меня возьмёте
 и в жалкой старости мне станете опорой,
 а после, мёртвую, обрядите пристойно,
 на зависть всем вокруг! Разрушились, распались
 мечтанья сладкие! Без мальчиков любимых
 влачить я буду жизнь в мученьях и печали.
 Не взглянете на мать глазёнками своими,
 уйдёте, милые, в безвидный облик жизни.
 О...о... Вы мне в лицо зачем глядите, дети?
 Зачем сияете последнею улыбкой?
 Ах, женщины, как быть? Захолонуло сердце,
 лишь в детские глаза лучистые взглянула.
 Нет-нет, я не могу! Прощайте, все решенья!
 Возьму я мальчиков, они со мной поедут!
 Зачем терзать детей, чтоб их отца ужалить,
 зачем себя казнить удвоенною казнью?
 Нет, не бывать тому! Прощайте, все решенья!
 Но что же это я? Хочу я вызвать толки,
 ходить посмешищем, не отомстив злодеям?
 Собраться нужно мне. Поддавшись малодушью,
 я ум наполнила нетвёрдыми словами.
 Ступайте, дети, в дом. Пусть тот, кто не по праву
 решится посмотреть, как приношу я жертву,
 остерегается. Рука моя не дрогнет.
 *А!.. А!..
 Нет, сердце гневное, ты этого не делай!
 Оставь их, дерзкое, даруй пощаду детям!
 Живя со мной вдали, они тебя утешат!
 Я сворой мстителей, блуждающих в Аиде,
 клянусь: не быть тому! Я мальчиков не брошу,
 чтоб негодяи тут над ними измывались!
 Им всё равно не жить. Пусть лучше мать родная,
 жизнь детям давшая, лишит их этой жизни.
 Теперь, как ни крутись, былого не воротишь:
 с венцом на голове, одета в тонкий пеплос,
 царевна входит в смерть, я это точно знаю.
 На бедственнейший путь вступаю я отныне,
 а мальчики мои – на путь ещё несчастней.
 Пора прощаться нам. Вы, дети, протяните
 ручонки правые, чтоб с мамочкой проститься!
 Ладочки милые, любимейшие губы,
 и лица светлые, и облик благородный!
 Вы будьте счастливы – но там! А в мире этом
 всё отнял ваш отец. Прикосновений сладость,

и кожа мягкая, и нежное дыханье...
 Идите же, иди... Нет, больше не могу я
 вас видеть, милые... Тоска невыносима...
 Я знаю, что́ за зло я сделать собираюсь,
 но бешенство моё сильнее, чем рассудок,
 немало страшных мук оно приносит смертным!*

Хор

Зачастую я более тонкий
 разговор заводила, и в споре
 превышала способности женщин
 к стройным доводам.
 Ведь знакомо и нам вдохновенье,
 говорящее с нами премудро,
 не со всеми, нас очень немного,
 ты одну, может, женщину встретишь
 среди многих, не чуждую музам.
 Говорю я, что те между смертных,
 что детей никогда не рожали,
 превосходят по благополучью
 всех родителей.
 Ведь бездетные, так и не зная,
 сладко смертным рожать или тяжко,
 потому что детей не имели,
 многочисленных бед избегают.
 Ну а тех, кто под крышей заводит
 милых отпрысков, знаю, забота
 изнуряет во всякое время:
 как сначала взрастить их прилично,
 как оставить им средства для жизни,
 и притом, для негодных детей ли,
 для хороших ли
 надрывать, ещё неизвестно.
 Объявлю и о горшей невзгоде,
 выпадающей всем этим смертным:
 средств, положим, нашли они вдоволь,
 в пору юности дети вступили,
 даровиты, добры, как внезапно
 смерть является волею рока
 и в Аид забирает их трупы!
 В чём же выгода, если к немалым
 человеческим бедам другую,
 наихудшую,
 от детей насылают нам боги?

Мед.

Подруги, долго я исхода ожидала,
 жду и теперь, как там продвинутся дела.
 Но вижу я, идёт один из слуг Ясона,
 дыша прерывисто – надёжная примета
 того, что новое несчастье возвестит.

ВЕСТНИК

- О, совершившая злодейское деянье,
 Медея, убегай! Спасайся хоть на судне,
 хоть на какой-нибудь наземной колеснице!
- Мед. А, собственно, зачем должна я убежать?
- Вест. Царевна умерла, а с нею вместе умер
 Креонт, её отец, от яда твоего!
- Мед. Прекраснейшая весть! Отныне стану другом
 и благодетелем считать тебя, любезный!
- Вест. Да что ты говоришь! Ты, женщина, здорова?
 Не помешалась ли? Очаг царей разрушив,
 ты рада вестнику и слушаешь без страха?
- Мед. Мне есть что возразить на эти порицанья.
 Не горячись, мой друг. Скажи-ка лучше мне:
 как умерли они? Ты счастье мне удвоишь,
 сказав, что наблюдал ужаснейшую смерть!
- Вест. Когда твоих детей двойное поколение,
 придя с отцом своим, вступило в дом царевны,
 обрадовались мы, твоей бедой больные
 рабы. У нас в ушах взгремела тотчас новость,
 что старую вражду вы с мужем завершили.
 Кто руки сыновей, кто головы целует
 светловолосые. Весь млея от восторга,
 с детьми на женскую пошёл я половину.
 А наша госпожа, взамен тебя ценима,
 пока детей твоих чету не увидала,
 Ясона мерила ревнивыми глазами.
 Заметив же детей, ресницы опустила
 и белою щекой к стене отвортилась,
 полна гадливости. Но твой супруг, пытаясь
 утешить девушку и гнев её умерить,
 сказал ей: «Не сердись и не враждуй с друзьями,
 довольно гневаться, оборотись к нам снова,
 пусть будут общими друзья у нас отныне!
 Бери, бери дары, проси отца, чтоб детям
 изгнание отменил! Приятное мне сделай!»
 Увидев пеплос твой, она не удержалась
 и обещала всё. Недалеко от дома
 отец и мальчики успели отдалиться,
 как пеплос красочный она взяла, надела,
 покрыла локоны веночком золотистым
 и, в светлом зеркале причёску поправляя,
 с бездушным образом улыбкой обменялась.
 Потом, из кресла встав, немного походила,
 ступая женственно ногою белоснежной,
 безмерно радуясь подаркам, то и дело
 назад отставленной ступнёю восхищаясь.
 Но тут произошло невиданное что-то:
 цвет кожи стал другим, и как-то боком, пятясь,
 царевна побрела нетвёрдыми шагами

и, чтобы не упасть, за кресло ухватилась.
 Служанка старая, считая, что, наверно,
 Пан бедной овладел, а то и бог повыше,
 вскричала радостно, но видя, как налился
 рот пеной белою, как страшно закатились
 зрачки поблѣкших глаз и кровь с лица сбежала,
 навстречу возгласам восторга испустила
 рыданье громкое. Одна служанка мчится
 к отцу страдалицы, другая – за супругом
 с известьем горестным. Все комнаты трясутся,
 гудят от стука ног, стремительно бегущих.
 Шестиплетрѳвое ристалище измерив,
 бегун выносливый уже достиг бы цели,
 когда, придя в себя, открыв глаза большие,
 царевна бедная ужасно застонала.
 Напало на неё страдание двойное:
 облѣкший голову веночек златосветлый
 всеядным пламенем по телу растекался,
 а пеплос тоненький, детей твоих подарок,
 царевну пожирал, в плоть белую въедаясь.
 Бежит, из кресла встав, как столп огня живого,
 копной своих волос трясѳт и так, и этак,
 чтоб сбросился веночек, однако всё плотнее
 сжималось золото, и пламя с каждым новым
 движением волос вдвойне лишь разгоралось.
 Вот на пол падает, сражѳнная несчастьем,
 кто не родитель ей, с трудом её признал бы:
 ни глаз нет, ни лица, прекрасного когда-то,
 всё тело сожжено, лишь кровь ещё сочится
 с макушки головы, докрашивая пламень,
 и плоть с её костей сосною слезою
 течѳт по челюстям невидимой отравы.
 Кошмар! Научены такой судьбою горькой,
 мы к телу девушки боялись прикоснуться.
 Несчастный же отец, не ведая о горе,
 внезапно в дом войдя, на мѳртвую наткнулся.
 Завыл он жалобно, её руками обнял,
 целуя, говоря: «Несчастный мой ребѳнок,
 какой же бог тебя замучил так позорно?
 Кто старого отца осиротил у гроба?
 Ах, доченька моя! С тобой бы мне погибнуть!»
 Когда же прекратил и плач, и причитанья,
 то тело дряхлое попробовал расправить,
 но прилепился весь, как плющ к побегам лавра,
 к ажуре пеплоса, и так забился дико!
 Когда пытался он подняться на колено,
 то дочь противилась, когда же вырывался,
 то мясо старое с костей его слезало.
 Немного погодя он богу отдал душу,
 несчастный человек, он зла не пересилил.

- Лежат старик-отец и дочь его родная,
два трупа, рядышком. Как тут не прослезиться!
Советов я тебе навязывать не стану,
ты знаешь и сама, как скрыться от расплаты.
Я не впервой зову дела людские тенью,
сказать не побоюсь, что мудрецы земные,
блистающие тут умом своим дотошным,
урон самим себе наносят величайший.
Среди рождённых нет ни одного счастливец,
с притоком роскоши ты превзойдёшь удачей
соседа своего, но счастьем – и не думай.
- Хор Похоже, в этот день судьба соединила
Ясона с крупным злом – но так ему и надо!
Ах, наше солнышко, как мы тебя жалеем!
Креонта доченька, ушла ты в дом Аидов
из-за несчастного замужества с Ясоном!
- Мед. Подруги, решено: мне нужно поскорее
зарезать сыновей и уходить из царства.
Теряя время тут, я мальчиков любимых
на гибель обреку от рук ещё враждебней.
Им всё равно не жить. Пусть лучше мать родная,
жизнь детям давшая, лишит их этой жизни.
Ну, сердце, соберись! Всё! Хватит, хватит медлить!
Ужасно это всё, но делу не поможешь!
Несчастливая рука, вот меч! Вот меч! Бери же,
бери его, бреди к барьеру скорбной жизни!
Не малодушествуй! О мальчиках не думай,
что любишь, любишь их, что их сама рожала,
забудь на краткий день о деточках прекрасных,
потом наплачешься! И даже убивая,
ты любишь маленьких! Ах, как мне тошно, бедной!
- Хор Земля и златой Гелиос,
всесветлый огонь! Увидьте её,
жестокую мать! Не дайте убить
любимых детей своей же рукой!
Твой род золотой продолжают они!
Ужасно, когда кровь бога во прах
прольёт человек!
Божественный свет, Эринию жги,
из царства теней пришедшую мстить,
пади на неё, из дома гони!
- Напрасно с детьми маялась,
напрасно дала любимейшим жизнь,
пройдя Симплегад свинцовый проём,
враждебнейший всем плывущим в него.
Бедняжка, зачем низринулась желчь
на сердце твоё? Убийство зачем
убийством сменять?

Для смертных тяжка кровь близких людей,
то скверна земли! Убийцы родных
по воле небес всем родом скорбят!

<РЕБЁНОК> *(внутри дома)*
Как больно!

Хор Ты слышишь ли крик, ты слышишь детей?
Ах, что там творит злосчастная мать!
РЕБ. 1 Как быть? Куда бежать от маминой руки?
РЕБ. 2 Любимый братик мой! Не знаю! Мы погибли!
Хор Войти ли мне в дом? Хочу прекратить
убийство детей!
Реб. 1 Да, ради всех богов! Иначе будет поздно!
Реб. 2 Как близко мы с тобой к сетям её меча!
Хор Злосчастная мать, ты камень, ты сталь!
Сама же ты рвёшь
свои плоды, своих детей веленьем судьбы!

По древней молве, одна только мать
смогла погубить любимых детей –
Ино́, рукой богов лишённая ума,
супругой Зевсовой гонимая по свету.
Бедняжка летит в солёную хлябь
за мерзкий свой грех,
переступив ногой высокий берег моря,
с детьми обоими погибель разделив!
Каких же ещё злодейств ожидать?
Ах, брачная страсть
надрывная, весь мир уже ты злом залила!

Яс. Эй, женщины, толпой стоящие у дома!
Хотелось бы узнать, внутри ещё злодейка,
Медея подлая? Поди уже сбежала?
Придётся в землю ей глубоко закопаться,
крылами заpastить и взвиться в глубь эфира,
чтоб с нею царский род за всё не расквитался!
Она что мнит себе? Царей поубивает
и безнаказанно из дома уберётся?
Плевать мне на неё! О детях я волнуюсь.
С ней царская семья расправится, конечно,
а я сюда пришёл детей обезопасить,
чтоб родичи царя на них не отыгрались
за грязные дела их матери-убийцы!
Хор Несчастный, ты ещё всех бед своих не знаешь,
Ясон, иначе бы сказал ты по-другому!
Яс. А что, она и мне погибель замышляет?
Хор Убиты мальчики рукою материнской.
Яс. А!! Что ты, женщина! Меня ты погубила!
Хор Погибли мальчики. Пойми же, горемычный!

Яс. Где кровь их пролилась? В их комнате? Снаружи?
 Хор Ворота отвори, увидишь деток мёртвых.
 Яс. Эй, слуги! Поскорей засовы отодвиньте,
 пусть прочь летят замки! Откройте зло двойное:
 и мёртвых мальчиков <и мерзкую злодейку,
 детей убившую.> Сейчас я с ней расправлюсь!

[Сверху появляется Медя на запряжённой крылатыми драконами колеснице, полученной от Гелиоса.]

Мед. Чего ты так стучишь, чего ломаешь двери,
 зачем тебе искать убитых и убийцу?
 Не утруждай себя! Пришёл сюда по делу,
 так говори со мной, меня же ты не тронешь!
 Мне дед мой, Гелиос, дал эту колесницу,
 чтоб защитить меня от рук врагов заклятых!

Яс. Поганая ты тварь! Ах, как же ты противна
 и небесам, и мне, и всем живущим людям!
 Ты собственных детей пронзить мечом посмела
 и обрела меня на вечную бездетность!
 Такое сотворив, на солнце и на землю
 дерзаешь ты смотреть? Такую мерзость сделав?
 Издохни, подлая! Теперь я вижу ясно,
 каким я был глупцом, когда тебя из леса
 в дом греческий привёз, премерзкое исчадьё,
 продавшее отца и край, тебя вскормивший!
 Меня, а не тебя, сразил небесный мститель!
 Ты, брата своего у очага зарезав,
 взошла на мой Арго, корабль прекрасноносый.
 Ты так всё начала. Потом же, выйдя замуж,
 супругу своему родив детей, сама же
 убила мальчиков из-за его женитьбы!
 Да разве хоть одна гречанка на такое
 решилась бы? Им всем я предпочёл вот эту
 жестокосердную, плачевную погибель!
 Нет, ты не женщина! Ты львица! Ты и Скиллу
 тирренскую затмишь своим нутром свирепым!
 Тебя не уязвить и шквалом порицаний,
 так дерзостью тебя природа оградила!
 Пошла отсюда, дрянь! Детоубийца! Ведьма!
 А мне судьбу мою оплакивать осталось,
 постелью свадебной не смог я насладиться,
 утратил и детей, которых породил я,
 вскормил рукой своей. Мне больше их не встретить!

Мед. Пространно возразить смогла бы я на эти
 тирады гневные, но Зевс-отец всё знает,
 как ты страдал со мной и чем ты мне ответил.
 Не удалось тебе, моё позоря ложе,
 роскошествовать тут и надо мной смеяться
 с твоей царвною. Креонт же, вас женивший,

не смог меня прогнать, не понеся расплаты.
 Зови меня теперь и львицей, если хочешь,
 и Скиллой, жившею у глади вод тирренских,
 я сердца твоего как следует коснулась!

Яс. И ты ведь мучишься, и ты ведь стала жертвой!

Мес. Всё так. Но эта боль твой смех остановила!

Яс. Ах, дети! У какой родились вы злодейки!

Мед. Ах, мальчики мои! Порок отца сгубил вас!

Яс. Но не моя рука их с жизнью разлучила!

Мед. А наглость брачных уз, приисканных недавно!

Яс. Ты думала, мой брак – причина для убийства?

Мед. Ты это малостью для женщины считаешь?

Яс. Для здравомыслящей. Тебе же всё – несчастье!

Мед. А детки-то мертвы! Давай, терзайся этим!

Яс. Нет, живы! Мстители на голову мерзавки!

Мед. Богов не проведёшь! Там знают, кто всё начал!

Яс. Там знают, что в душе у этой гадкой твари!

Мед. Давай, бесись, рычи! Твой голос мне противен!

Яс. А мне противен твой! Расстаться будет просто!

Мед. Да как? Что сделать мне! Об этом и мечтаю!

Яс. Позволь мне мальчиков похоронить, оплакать!

Мед. И не подумаю! Сама их погребу я
 вблизи святилища высокосветлой Геры,
 чтоб недруг никакой над ними не глумился,
 тела их выкопав. А этот край Сизифов
 получит празднество и вечные обряды,
 мной учреждённые за грязное убийство.
 Сама же я пойду в державу Эрехтея,
 Эгей Пандионид мне там супругом станет.
 А ты бесчестно жил, без чести и погибнешь,
 куском кормы Арго по голове ударен,
 увидев, как наш брак прегорько завершился!

Яс. За детей пусть Эриния взыщет
 и убийственная Справедливость!

Мед. Что за бог, что за сила услышит
 подлеца, нарушителя клятвы?

Яс. Дрянь ты гнусная! Детоубийца!

Мед. Прочь! Домой! Закопай там супругу!

Яс. Ухожу, без детей моих бедных!

Мед. Приберёг бы ты слёзы на старость!

Яс. Дорогие! Мед. Для матери только!

Яс. Их убившей! Мед. Тебе на несчастье!

Яс. Как хочу я к губам ненаглядным
 сыновей моих, бедный, прижаться!

Мед. Вот зовёшь их и любишь, а прежде
 оттолкнул! Яс. Умоляю богами,
 разреши нежных тел их коснуться!

Мед. Ни за что! Тщетно брошено слово!

Яс. Зевс, ты слышишь ли, как меня гонят,
 что терплю я от этой поганой,

этой детоубийственной львицы?
Но всегда, сколько сил моих станет,
слёзно звать я в свидетели буду
и богов, и небесные силы:
ты убила детей, не даёшь мне
тронуть мёртвых, укрыть их в могиле,
и зачем только я породил их,
не видал бы, как ты их сгубила!

Хор Многим Зевс управляет с Олимпа,
 много странного делают боги.
 Ожидаемое не свершилось,
 а неожиданное бог исполняет.
 Вот на этом и кончилось дело.

5.11-31.12.2015 (Москва–Новороссийск–Москва)